

УДК 821.111(73)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА В РОМАНЕ АЛАНА ЛЕЛЧУКА «МАЛЬЧИК ИЗ БРУКЛИНА»

© Д.В.Носикова

В статье рассматривается соединение художественного вымысла и документальной составляющей в автобиографическом романе А.Лелчука «Мальчик из Бруклина», которое находит интересное выражение в структурной организации текста. Главы с повествованием от первого лица чередуются с главами, где перипетии жизни героя отступают на второй план, уступая место широкому обзору спортивной жизни. Такая организация текста подчинена авторской задаче показать американскую действительность с точки зрения взрослеющего подростка, находящегося в поисках культурной самоидентификации, и представить культурное многообразие Америки в форме хроники.

Ключевые слова: документальная литература, художественный вымысел, автобиография, роман о художнике, мультикультурализм.

«Мальчик из Бруклина» А.Лелчука впервые напечатан в 1989 году. К этому времени автором написано несколько крупных романов («Американское недоразумение»; «Мириам в тридцать четыре»; «Мое отступление: начало конца»; «Мириам в сорок»; «На своем поле»). Подробные картины детских и юных лет, описанные Лелчуком в «Мальчике из Бруклина» с оглядкой на собственное прошлое, позволяют отнести роман к прочно установившейся в начале XX века традиции романа о художнике [1] – от «Портрета художника в юности» Джеймса Джойса до романов Томаса Манна и Томаса Вульфа, Филипа Рота и Сола Бэллоу. Соседство с последними двумя авторами напоминает также о феномене «еврейских писателей» в американской литературе послевоенного периода, частью которого становится и творчество А.Лелчука. Сам же выбор названия вызывает прямую ассоциацию с повестью Эрскина Колдуэлла «Мальчик из Джорджии» («Georgia Boy», 1943), включая тем самым роман в контекст творчества двух других крупных американских реалистов – Марка Твена и Джека Лондона.

«Мальчик из Бруклина» в жанровом отношении является романом воспитания, однако традиционная форма, широко представленная, например, в романах Ч.Диккенса, оказывается переосмысленной Лелчуком. Роман, который автор посвящает своему отцу (Гарри Лелчуку), состоит из 25 новелл (не глав), расположенных непоследовательно происходящим в них событиям, т.е. они выстраиваются так, как автор считает нужным представить их читателю. Это *автобиографическая проза с нелинейным повествованием*, что и указывает на то, что роман состоит не из глав, а из *новелл*: в них нет памяти предыдущих происшествий, и остальные персонажи, кроме

Шлосберггов, родителей Аарона Шлосберга (главного героя), в них не повторяются. Очень сложно проследить параллельность событий в двух соседствующих новеллах, даже если в них совпадает год жизни Аарона.

Таким образом, введение всеохватывающего взгляда повествователя-взрослого наряду со взглядом переживающего события ребенка – характерный прием в романе воспитания Диккенса, например, в «Жизни Дэвида Копперфильда» – отсутствует у Алана Лелчука. Ретроспективного вмешательства нет: все, что оказывается неожиданным для читателя, неожиданно и для героя.

«Мальчик из Бруклина» – все же не мемуарное произведение, это роман, в котором прослеживается в общих чертах биографическая основа повествования (близость создаваемого автором образа Аарона Шлосберга к самому Алану Лелчуку в детстве). Отправными точками являются место и время рождения и взросления – Бруклин, 1938 (40-50-е гг.), подчеркнутая фонетическая близость имен – Аарон и Алан, общие интересы (спорт и литература) и писательский талант. А.Лелчук наделяет своего героя тем же сложным происхождением: его отец – иммигрант с русско-еврейскими корнями, живущий в Бруклине (соединение Европы, Азии и Америки в истории одной семьи). Посвящение романа отцу, Гарри, актуализирует проблему отцов и детей, которой автор уделяет особое место в своем романе. В контексте данного романа это не столько конфликт поколений, сколько конфликт культур. Аарон не принимает отцовского сепаратизма, его приверженности к родной культуре и ностальгии; его разговоры о политике, фильмы о войне, русская еда и русская речь, – все, чем дорожит отец, – чуждо и чуть ли не противно его сыну.

Помимо этого, мы можем говорить о присутствии в романе Алана Лелчука документа несколько иного плана: документа, который представлен не столько в *частноисторическом*, сколько в *общеевропейском* плане. Иными словами, еще прозрачнее выглядит документ эпохи, введенный автором в форме доклада Аарона по истории Бруклина и приведенный на первых страницах романа, а также спортивными обзорами, которые Аарон пишет в старших классах.

Аарон Шлоссберг и его частная история становятся частью общей истории и зеркалом, в котором отразился многонациональный состав граждан Соединенных штатов. Спорт и литература – те сферы, в которых возможно соприкосновение и единение разных народов и культур, средство американизации в Америке [2]. Уникальное на первый взгляд происхождение Аарона не является таковым: при ближайшем рассмотрении любой американец имеет в своей родословной по меньшей мере две другие национальности, что же до самого бора, то он основан голландцами, что только усиливает недоумение Аарона-ребенка, неопределенность происхождения которого усугубляется еще и этим фактом. Разглядывая с отцом карту, мальчик в растерянности спрашивает его: «Так ты хочешь сказать, что мы не только американцы и русские, но еще и голландцы?» (здесь и далее перевод наш – Д.Н.) [3: 3].

Интерес к присутствию своей, частной истории в общеамериканской заставляет 16-летнего Аарона готовить доклад по истории Бруклина ('A Brief History of King's County'), причем он подходит к ней как настоящий писатель («Если он (доклад) будет достаточно хорошим, мистер Дрэклер предлагает печатать его в Либерти Бэлл» [3: 5] – в этом видна потребность общения с читателем [4]): помимо фактического материала, Аарон считает необходимым добавить в картину Бруклина детали, без которых она будет неполной, однако о которых обычно не упоминают в учебниках по истории: «Оставляя факты для фантазирования, он понял, что возможно самые интересные части из истории его города останутся за текстом из-за школьной цензуры. Какие же части? Спросил он себя. Такие, как эти, ответил он, и записал: «Но Бруклин, мой Бруклин, известен и сборищем странных и грязных персонажей (и происшествий?), людей с нелепым выговором и дерзким поведением. Такими, как гангстеры Багси и Льюи из Браунсвилля <...> Пропущенными слогами и рваным ритмом речи... музеями и библиотеками. Бейсбольной командой, которая не известна из-за крупных неудач <...>. Продолжая прерванную мысль, он думает: «Так, где он остановился? <...> Ах да, Бруклин без глянца» [3: 12, 13].

Мысли, ощущения, впечатления и отношения Аарона с людьми – это и собственная уникальная история, и в то же время словно один из множества голосов, сливающихся в толпе кричащих на трибунах Эббетс Филд. В романе вырастают картины Америки в ее разнообразии – игорные дома, бильярдные, библиотеки, кафе, боксерские ринги, авеню, криминальные кварталы, метро – встречающиеся в любом городе другой страны, – и возвышающиеся над ними Эббетс Филд и Бруклинский мост как неповторимые символы Нью-Йорка. Сам же город, расположенный вблизи Атлантического океана, дает ощущение свободы и причастности к остальному миру, чем Аарон пользуется в конце романа, уплывая с матросской командой в Африку.

Это уже не то, что Л.Я.Гинзбург называет «человеческим документом» в литературе [5], это скорее документ эпохи, так как художественная организация лишней раз указывает на главную цель автора: акцент смещен с построения индивидуального характера на построение образа Америки с его мультикультурным составом. Подтверждение тому – новелла «Святыня» («The Shrine»), где все глубоко личное отходит на второй план, уступая место общенародному объединяющему началу, которое выражено в слове *we*, заменяющем *I* первых глав, а также в сравнении бейсбольного поля *Ebbets Field* со святилищем, которое «было местом истинного поклонения, святыней, посещаемой еженедельно сотней тысяч или более верующих» [3: 86], что также стирает границы сложной индивидуальности, чтобы слить ее с многоголосой публикой трибун, с Америкой.

Эта новелла открывает ряд «спортивных» новелл, посвященных бейсболу и его роли в жизни американцев, т.е. центральной: занимая в композиции романа срединное положение, новеллы «Голос», «Чужак», «Рука», «Перчатка», «Четыре добрых создания», «Островок мистера Рики» однородны по своей стилистике, то книжной, то публицистической, что выражено, в частности, на уровне субъекта речи. Среди них есть и новеллы с повествованием от первого лица («Чужак»: завершая описание игрока на поле, Аарон вспоминает личную встречу с ним в другой обстановке: «Я встретил его однажды, когда мне было восемь или девять, в метро, но я побоялся подойти к нему за автографом» [3: 96]), и новеллы, в которых возникает автор, возвышается над Аароном, наблюдая за его реакцией на игру («Голос», «Рука», «Четыре добрых создания»), и новелла, где авторская вненаходимость не выражена оппозицией «автор – герой» и где голос автора не нуждается в каком-либо опосредовании

(«Перчатка»). Так, на уровне формальной организации повествования можно увидеть подтверждение мысли о том, что фокус смещается с конкретного героя и его конкретной судьбы на образ американца, Америки и спорта в ней.

Такова функция публицистических заметок об истории американского бейсбола, которых в романе несколько. Они прерывают историю Аарона, который, кстати, часто становится свидетелем значительных расхождений между идеальным образом Америки и реальной действительностью. Хотя все, что связано с бейсболом, и сакрализуется (хорошего игрока в новелле «The В-О-У-S Wars» Аарон зовет «Маленький бог»), именно после очередного ритуала «служения» и победы школьной команды Аарона на него нападают двое афроамериканцев и отнимают часы марки *Venrus*. Для Аарона это не предмет материальной ценности, это прежде всего подарок матери. Грабители же предстают в образе нечестивых непосвященных, которым нет места в общем ликовании, способность вернуться к которому Аарон все же не утрачивает. На слова друга: «Ну, тебе будет о чем написать!» Аарон отвечает: «Да уж. Только придется умолчать о *Venrus* – части этой истории». Как будущий писатель, создающий свое произведение, Аарон тщательно отбирает тот материал из действительности, который собирается описать: не всякий документ должен сохранять абсолютную фактографическую точность. Теперь Аарон записывает общую историю не дополняя ее, но удаляя оттуда все личное, неприкрашенное. Отклонения от подобной точности и делают документальную литературу литературой, по мнению Л.Я.Гинзбург [5: 10].

Так, на примере первых литературно-публицистических опытов Аарона Шлоссберга можно видеть, каким образом художник работает с историческим документом; сам роман «Мальчик из Бруклина» напоминает документ в документе, соединяющий частноисторическую и общеисторическую подлинность. Установка на подлинность как структурный принцип произведения является основным инструментом в романе. Алан Лелчук как романист и Аарон Шлоссберг пока лишь как мемуарист, «пробуждающий в факте эстетическую жизнь» [5: 13], оба отталкиваются от событий, однако Лелчук придает им максимально эстетическую форму, создавая героя с автобиографической основой, в то время как Аарон еще только учится это делать, постепенно овладевая ремеслом художника.

*****

1. *Бронич М.К.* Роман Алана Лелчука «Мальчик из Бруклина»: культурное самоопределение художника в юности // *Художественное слово в пространстве культуры*. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2007. – С.254 – 262.
2. *Тлостанова М.В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 400 с.
3. *Lelchuk A.* Brooklyn Boy. – N.Y.: Basset Books, 1990. – 298 p.
4. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
5. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, 1971. – 464 с.

FICTIONAL AND NON-FICTIONAL ELEMENTS IN THE NOVEL BY ALAN LELCHUK «BROOKLYN BOY»

D.V.Nosikova

The article deals with fictional and non-fictional elements in the structure of the autobiographical book *Brooklyn Boy* by Alan Lelchuk. The first person narration alternates with chapters, where the vicissitudes of the protagonist's life recede into the background, giving way to a broad overview of the sporting life. Such organization of the text is subject to the author's aim to show American reality from the point of view of a growing teenager who is in search of his cultural identity, and to present the cultural diversity of America in the form of chronicles.

Key words: non-fiction, fiction, autobiography, novel about an artist, multicultural diversity.

*****

1. *Bronich M.K.* Roman Alana Lelchuka «Mal'chik iz Bruklina»: kul'turnoe samoopredelenie khudozhnika v yunosti // *Khudozhestvennoe slovo v prostranstve kul'tury*. – Ivanovo: Izd-vo «Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet», 2007. – S. 254 – 262. (In Russian)
2. *Tlostanova M.V.* Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA kontsa XX veka. – M.: IMLI RAN, Nasledie, 2000. – 400 s. (In Russian)
3. *Lelchuk A.* Brooklyn Boy. – N.Y.: Basset Books, 1990. – 298 p. (In English)

4. *Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti // Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. – SPb.: Azbuka, 2000. – 336 s. (In Russian)*
5. *Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoy proze. – L.: Sovetskiy pisatel', 1971. – 464 s. (In Russian)*

* * * * *

Носикова Дарья Витальевна – аспирант кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета.

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.
E-mail: daryanosikova@gmail.com

Nosikova Daria Vitalievna – graduate student, Department of Foreign Literature and Theory of Intercultural Communication, Linguistics University of Nizhny Novgorod.

31a Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia
E-mail: daryanosikova@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2014